

Добровольческая армия и казачий «Юго-Восточный союз»: разные пути возрождения России

Сергей Карпенко

1917-й – год не только торжества большевизма, но и поучительного поражения тех военно-политических сил, которые пытались, каждая по-своему, вывести Россию из кризиса. Однако силы эти не сумели объединиться перед лицом общего врага. Враждебность к большевизму не стала прочной основой их союза – столь глубоким был раскол российского общества, столь всеобщим – развал российской государственности.

Одна из самых трагичных страниц истории первого года Русской смуты – отношение между Добровольческой армией и казачьими войсками юга России.

После провала Корниловского мятежа часть российского генералитета и офицерства сохранила решимость не допустить захвата власти большевиками. Обвиняя А.Ф.Керенского в «развале страны и армии», первым шагом к спасению России они считали возрождение армии.

В сентябре 1917г. генерал М.В.Алексеев «конспиративно» приступил в Петрограде к формированию боевой силы, способной остановить «злоостное погубление» России. Убедившись, что спасти Русскую армию от разложения невозможно, он предполагал сформировать новые части вне

КАРПЕНКО Сергей Владимирович – кандидат исторических наук (Российский государственный гуманитарный университет). *E-mail:* skarpenk@mail.ru

Ключевые слова: Гражданская война, Добровольческая армия, Донское казачье войско, Кубанское казачье войско, Юго-Восточный союз, М.В.Алексеев, А.М.Каледин, Л.Г.Корнилов.

ее состава и на принципе добровольности.

Крайне осмотрительный в своих планах, Алексеев допускал, что большевики могут воспользоваться «отсутствием решимости и способности действовать» у Керенского и поднять восстание прежде, чем ему удастся сформировать серьезную силу. Поэтому он договорился с донским атаманом генералом А.М.Калединым о переброске своего формирования, названного «Алексеевской организацией», на Дон под прикрытием казачьих частей: он был убежден в их невосприимчивости к «яду большевистской пропаганды»¹.

Тогда же с Северного Кавказа до Петрограда стали доходить вести о создании Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Оренбургское и Уральское казачьи войска объединяются с целью «обеспечить порядок и спокойствие» в своих областях. Окончательно оформленный на учредительном съезде, (16–21 октября 1917 г.,* Владикавказ), Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей претендовал на «полную самостоятельность» в составе России. Его ядром стали Донская, Кубанская и Терская области. Предусматривалось создание «объединенного правительства», «сплочение боевой мощи казачества», защита территории Союза от «надвигающейся волны анархии».

25–26 октября 1917 г. донское правительство отказалось признать большевистский Совнарком и заяви-

ло о принятии на себя «всей полноты государственной власти» на территории Донской области. Так же поступило кубанское правительство. Спустя два дня после большевистского переворота генерал Алексеев распорядился начать отправку «желающих продолжать борьбу» на Дон, рассчитывая найти там надежную базу формирования новой армии.

Алексеев был не одинок в своей ставке на Дон. В Петрограде, Москве и других городах противники Совнаркома «жили надеждой на Дон».

Казачий Дон, считали они, а с ним Кубань и Терек – «твердый консервативный устой, о который разобьется большевистская пропаганда». Военной силы Дона с лихвой хватит не только для обороны от большевиков, но и для наступления в глубь страны. С Дона начнется «освобождение России»^{2, 3}.

Алексеев прибыл в Новочеркасск, «стольный град» Войска Донского 2 ноября 1917 г. Однако атаман Каледин отказал ему в просьбе «дать приют русскому офицерству». Он сослался на то, что казаки-фронтвики устали от войны и ненавидят «старый режим», а потому донские полки, что возвращаются с фронта, защищать Донскую область от большевиков не желают и расходятся по домам. Атаман попросил Алексеева «не задерживаться в Новочеркасске более недели» и перенести формирование за пределы области^{2, 4}.

3 ноября Каледин пригласил Алексеева на «осведомительное заседание» будущего правительства Юго-Восточного союза.

На нем известный московский адвокат кадет И.Н.Сахаров (дед академика А.Д.Сахарова) взывал к казакам: «взоры всей России уст-

* Все даты в статье – по старому стилю.

ремлены на казачество», «с мольбой» русская общественность обращается к казачеству, ибо более «никто не может прийти на помощь», только в казачьих областях Юга сохранились «порядок, дисциплина» и «здоровое понимание русской государственности».

Слушая Сахарова, Алексеев набрасывал в записной книжке созвучное его собственным мыслям: «надо где-то здоровый центр», «история – за образование здорового центра», «центр – Юго-Восток», Юго-Восточный союз, ибо он «обладает государственным суверенным правительством», «благоприятным территориальным положением» и «богатствами природы»¹.

На речь Сахарова отозвался яркой репликой начальник донско-го войскового штаба полковник Я.П.Араканцев: «Если только от казаков ждут спасения России, то пропала Россия». По его мнению, казакам нельзя немедленно «идти на Россию спасать», а нужно «обождать просветления народа», а пока накапливать хозяйственные и военные силы.

Сходные мысли высказал и член донского правительства П.М.Агеев, лидер донских социалистов: освобождение всей России от большевизма донским казаком не по силам, надо привлечь на сторону казачьих властей местное крестьянское население, инородцев, наделив их землей.

С ними согласился помощник донского атамана, ведающий «гражданской частью», М.П.Богаевский: «поход на Россию» невозможен, так как казаки не пойдут, нужно скорее создать правительство Юго-Восточного союза, которое занялось бы решением общих внутренних проблем, первым делом – удовлетворением нужды иногороднего крестьянства в земле. Это – «краеугольный камень существования казачьего союза».

Ему вторил представитель Кубанского казачьего войска: «дать России ничего не можем», нужно ограничиться «сохранением порядка» в казачьих областях, укреплять Юго-Восточный союз, для чего решить «вопрос с крестьянами».

Итог заседания подвел А.М.Каледин: «Мы должны отказаться в дан-

ный момент от широкой государственной задачи, от спасения гибнущей России, хотя это и тяжело... Мы не можем помочь в борьбе с большевиками»¹. Первостепенными задачами он считал решение «дел внутренних и краевых», создание «союзного» правительства, развитие «государственной жизни» в казачьих областях.

Алексеев подвел свои итоги заседания. Многоопытный генерал оценивал Юго-Восточный союз не только с точки зрения пригодности его как базы создаваемой им антибольшевистской армии, но и шире: эта база должна стать центром, где одновременно с армией начнется возрождение России. Он утвердился во мнении, что только Юго-Восточный союз способен организовать устойчивое, сильное правительство, поскольку располагает запасами хлеба и продуктов питания, и стать центром возрождения российской государственности. Он выделил две «слабые стороны» казачьего Союза: «крестьянский земельный вопрос» и разложение казачьих частей, возвращающихся с фронта. Наконец, вывод его относительно политики казачьих правителей был неутешителен: «осторожность», «пассивность», «желание заняться своим делами»¹.

Впервые Алексеев ясно увидел главного врага, угрожающего казачьим областям не с большевистского севера, а изнутри: безземельное иногороднее крестьянство. Доля его в населении Дона и Кубани достигала половины, но ни прав на землю, ни казачьих социальных привилегий оно не имело, что и подогревало его враждебность к казачеству и надежды получить землю с помощью большевиков^{3, 5}.

За несколько последующих дней Алексеев глубже вник в слабости Юго-Восточного союза: донские военные склады пусты, тыловые войска казачьего Союза «ничтожны и едва удовлетворяют местным потребностям», а казачьи полки, что возвращаются с фронта, большевизмом «заражены немногим меньше», чем солдатские. Вдобавок на Дону и Кубани стоят запасные пехотные полки, крестьянские по составу и «совершенно большевистские» по настроениям. Атаманы и правительства казачьих войск озабочены «внутренним благоустройством, поддержанием порядка и спокойствия», действуют «крайне осторожно».

Алексеев заключил, что борьбу против Советов казаки «сами не начнут, равно не пойдут только со своими силами». Оставалось лишь надеяться, что «государственные настроения» вскоре возьмут у казаков верх и тогда они пойдут на Москву и Петроград, ведомые офицерской армией, сформированной военными, приехавшими из центра страны¹.

Прибывшему из Киева В.В.Шульгину Алексеев сказал: «Каждая армия, какова она ни была бы, должна иметь базу. Без базы армия существовать не может. Я избрал базу здесь, на Дону, в Новочеркасске. И здесь болото, но другой базы нет»⁶.

Тем временем приехавшие из обеих столиц крупные предприниматели 7 ноября 1917 г. договорились с Донским военно-промышленным комитетом и войсковым правительством о создании Экономического совета при правительстве. На его заседаниях было решено прекратить вывоз в совдеповскую часть России

угля, зерна, мяса, продуктов питания. Продумывались меры по развитию военного производства на территории Юго-Восточного союза, снабжению его войск боеприпасами, снаряжением, обмундированием.

Вдохновленный созданием Экономического совета как «органа правительства», Алексеев сразу же придал ему «большое значение не только промышленно-экономическое, но и политическое, а следовательно, косвенно и военное»^{1, 2}.

Вопреки всем разочарованиям, он утвердился во мнении: «Юго-восточный угол России – район относительного спокойствия и сравнительного государственного порядка и устойчивости» и «имеет данные стать источником спасения» всей страны. «Здесь естественные природные богатства, необходимые всей России», «на Кубани и Тереке хороший урожай» и образован Юго-Восточный союз как фактически суверенное государство. Главную задачу он видел в том, чтобы «под покровом силы промышленно-экономической и порядка» создать на территории Союза «сильную власть, сначала местного значения, а затем общегосударственного», но прежде – «образовать силу, на которую эта власть могла бы опереться»: «приступить здесь к формированию реальной, прочной, хотя и небольшой силы, вооруженной для будущей активной политики»¹.

С расчетами Алексеева вполне совпадали замыслы Каледина: дожидаться перелома в настроениях казаков, отстоять казачьи области и превратить их в базу, с которой началось бы освобождение всей страны от большевизма. Но донской атаман снова и снова просил Алексеева уско-

ритель переезд «Алексеевской организации» за пределы Дона. Он понял, что «большевистское движение разрастается» и его существование в России «грозит продлиться на неопределенное время». Он делал все, что было в его силах, для сохранения хрупкого социального мира на Дону: он считал это пусть и слабой, но хоть какой-то гарантией, во-первых, независимости Дона от Совдепии и, во-вторых, прочности атаманской власти.

Он опасался идти наперекор настроениям казаков-фронтовиков и предпринимать активные действия против солдат запасных полков и рабочих промышленных центров области: это было чревато как выступлениями солдат и восстаниями рабочих, так и отказом казачьих частей умирять их. Не менее остро он чувствовал и опасность «нежелательной шумихи» вокруг «Алексеевской организации». На заседаниях войскового правительства он не рисковал даже поставить вопрос об оказании ей материальной помощи^{3, 7}.

Казачьи-фронтовики не считали большевиков враждебной силой: те прекратили ненавистную войну и обещали сохранить за «трудовым казачеством» землю. Видя умножение в Новочеркасске числа офицеров регулярных войск и юнкеров пехотных училищ, они все сильнее опасались, что «непрощенные гости» помешают «полюбовно договориться» с местными и столичными большевиками, втянут Дон в «новую бойню».

Казачьи политики-демократы, активисты социалистических партий,

обвиняли атамана в «попустительстве контрреволюционному офицерству». Это давление снизу заставляло Каледина лавировать, избегать всякого повода к обострению^{3, 7}.

Во второй декаде ноября 1917 г. в Новочеркасске стало известно о подготовке Совнаркомом войск для похода на Дон.

Алексеев, поняв, что у него нет времени выжидать перелома в настроении донских казаков, стал выяснять возможность перенесения базы формирования на Кубань. 22 ноября 1917 г. он выехал в Екатеринодар, «стольный град» Кубанского казачьего войска, где 23-го и 24-го принял участие в двух заседаниях только что образованного объединенного правительства Юго-Восточного союза*.

Обсуждались вопросы объединения казачьих областей Дона, Кубани и Терека в гражданском и военном управлении, организации общих вооруженных сил и их снабжения.

В речах выступающих звучала надежда «создать здоровый уголок России, откуда пойдет государственное оздоровление всей страны». Алексеев взывал к патриотическим чувствам правителей Дона, Кубани и Терека: Россия гибнет, и казачество должно отстоять свои области, создав тем самым базу, откуда начнет возрождение России^{1, 5}.

Однако беседы с кубанским войсковым атаманом полковником А.П.Филимоновым усилили разоча-

---

* Председателем объединенного правительства Юго-Восточного союза был избран донской кадет В.А.Харламов.

рование Алексеева: принятые Кубанской краевой радой в октябре 1917 г. Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае наделили атамана лишь представительскими полномочиями. Оттого, заключил Алексеев, и власть его – «дряблая» и «беспомощная», а «осторожная линия» его политики сводится к уклонению от создания антибольшевистской казачьей армии⁸.

Алексеев и атамана Каледина винил в том, что все старания донского правительства поднять дух донцов успеха не приносят. А его помощника Богаевского, предрекал он, донские социалисты «утопят в демагогической болтовне».

Кубанцы показались ему «крепче донцов», однако глава краевого правительства Л.Л.Быч – социалист-революционер, однопартиец Керенского – и другие лидеры «самостийников», выступающих за независимость Кубани от Совдепии, вызвали у него резкое неприятие: «Играют в скверную политику личных честолюбий».

Терцев он счел «крепче других», но нашел, что они «мало организованы», а терскому войсковому атаману Н.А.Караулову недостает силы воли, чтобы подчинить их своему влиянию⁹.

На самом деле положение кубанского атамана Филимонова было не менее сложным, чем Каледина. «Беспомощность», «осторожная линия» его политики жестко диктовались настроениями фронтовиков. Подобно донским, кубанские полки, возвращаясь с фронта в родную область, отказывались выполнять приказы войскового атамана. Довольные окончанием войны, кубанцы

расходились по станицам, распределяя полковое имущество между собой либо просто бросая его. Попытки сохранить боевые части, расквартировать их для обороны Кубани от большевиков были безнадежны^{5, 10}.

И Алексеев, и генерал Л.Г.Корнилов, добравшийся до Новочеркасска 6 декабря 1917 г., имели, со своей точки зрения, все основания обвинять донских и кубанских правителей в «беспомощности», в неспособности превратить Юго-Восточный союз в прочную базу формирования антибольшевистской армии.

Казачьи же политики имели не меньше оснований опасаться, что присутствие алексеевских добровольцев только помешает отстоять независимость Дона от Совдепии, ибо оттолкнет от атаманской власти казачество и придаст большевистскому Совнаркому решимости «раздавить осиное гнездо контрреволюции» на Дону.

Наладить взаимопонимание и сотрудничество между прибывшими на Дон генералами и казачьими атаманами попытались приехавшие из Москвы представители кадетского «Правого центра», М.М.Федоров и др. Во второй половине декабря в Новочеркасске состоялись два совещания делегации «Правого центра» с генералами.

Их итогом стало:

- *во-первых*, создание на основе формирований «Алексеевской организации» Добровольческой армии;
- *во-вторых*, вступление генерала Корнилова в командование ею;
- *в-третьих*, организация «верховой власти», претендующей на статус всероссийской.

Организована эта «верховная власть» была в форме триумvirата, в котором были разделены сферы компетенции между тремя «вождями»: за Алексеевым закреплялись финансы, гражданское управление и внешние связи, за Корниловым – военная власть, за Калединым – управление Областью войска Донского^{2,7,11}.

Одновременно с казаками возвращались с фронта на Дон, Кубань и Терек безземельные иногородние.

Совершенно «обольшевиченные», они возвращались не только с надеждой на получение земли, но с оружием и решимостью свергнуть атаманов, установить власть Советов и отобрать землю не только у помещиков, но и у богатых казаков.

В столь взрывоопасной ситуации донские и кубанские политики были озабочены прежде всего расширением социальной базы казачьей власти за счет иногородних.

3 декабря член донского правительства П.М.Агеев на заседании Донского войскового круга предложил реорганизовать войсковое правительство на основе «паритета» – равного представительства казачества и иногородних. Многие депутаты с ним согласились: иначе не умерить враждебность безземельных иногородних крестьян к казачьей власти. И круг постановил: в правительство должно войти равное число представителей от казаков и иногородних.

29 декабря 1917 г. в Новочеркасске собрался съезд иногороднего населения Донской области для решения вопроса о власти на Дону.

Тон на съезде задавали эсеры.

Делегаты одобрили паритет, но выдвинули как одно из условий вхождения своих представителей в паритетное правительство – разоружение и расформирование Добровольческой армии. В ходе трудных переговоров с руководителями съезда Агеев добился своего: делегаты одобрили предложение круга о паритете. 4 января 1918 г. съезд избрал своих восьмерых представителей в паритетное правительство.

На первых же заседаниях правительства его председателю Богаевскому и атаману Каледину удалось отговорить «иногороднюю половину», эсеровских лидеров, от разоружения добровольцев. В декларацию паритетного правительства, опубликованную 10 января 1918 г., была включена компромиссная формула: Добровольческая армия сформирована «в целях защиты Донской области от большевиков, объявивших войну Дону, и в целях борьбы за Учредительное собрание, должна находиться под контролем объединенного правительства»⁷.

Однако подозрительности и враждебности казачьего и иногороднего населения области к добровольцам этот декларативный компромисс убавить не мог. Эсеровское крыло паритетного правительства пыталось добиться реального контроля над Добровольческой армией. А низы демократической общественности продолжали требовать ее роспуска¹².

Между тем собранные Совнаркомом войска под командованием большевика В.А.Антонова-Овсеенко двинулись на Дон.

Донские политики «двоились» между надеждой, что в отсутствие

Добровольческой армии им было бы легче договориться с Совнаркомом о самостоятельности Дона, и опасением, что без ее помощи от «нашествия большевиков не оборониться».

Столкнувшись с враждебно-подозрительным отношением рядовых казаков к Добровольческой армии и колебаниями казачьих верхов, окружавшие Алексева общественные деятели, приехавшие из Москвы и Петрограда, сочли казаков «глубокими эгоистами и шкурниками»: дескать, те, «чувствуя и мысля в рамках узкого эгоизма», руководствуются принципом моя хата с краю. С их «государственной точки зрения», казачий патриотизм «не шел дальше родного края», что и рождало у казаков нежелание жертвовать своими жизнями и добром ради «отвоевания» России у большевиков, надежду уберечься от большевизма путем отделения от совдеповской России².

В конце первой декады января 1918 г. войска Антонова-Овсеенко, обложив Донскую область, перешли в наступление на Ростов и Новочеркасск. Казачьи полки один за другим отказывались исполнять приказы атамана и расходились по станицам. Каледин остро переживал свое бессилие. Корнилова же все сильнее раздражали «беспомощность» Каледина и его «реверансы налево», «заигрывание с казачьей демократией», «Керенскими местного разлива». Как унижение воспринимал он зависимость от «провинциальной» власти, которая берет его «контролировать», но не дает ни бойцов, ни денег¹³.

10 января 1918 г. в станице Каменская собрался съезд фронтового

казачества. Делегаты от полков, противостоящих войскам Антонова-Овсеенко, негодовали из-за допущенного Калединым формирования Добровольческой армии: именно в этом видели фронтовики главную причину активных действий Совнаркома против Дона. Все хотели скинуть Каледина, но не отдавать власть «пришлым большевикам», а также изгнать с Дона армию Корнилова, но сделать это самим, без участия войск Совнаркома.

Фронтовики опасались, что, если большевистские войска займут Дон и в области будет установлена власть Советов, иногородние «распосянутся», начнут захватывать казачьи земли. В итоге съезд объявил войсковое правительство низложенным и избрал свой орган власти – Донской казачий военно-революционный комитет.

Пытаясь избежать «пролития братской крови», Каледин отправил правительственную делегацию для переговоров с Донским казачьим Временным революционным комитетом (ВРК). У Корнилова сам факт, что Каледин (атамана и его правительство он теперь называл не иначе как «казачьей слякотью») пошел на переговоры с ВРК, вызвал опасения, что со дня на день тот попросту сдаст свою столицу «демократии», а уж та, как в Петрограде, перед большевиками не устоит^{7, 2, 14}.

Цепляясь за Дон, добровольческое командование держало в голове вариант перенесения базы формирования на Кубань.

В начале января в Екатеринодар был направлен генерал И.Г.Эрдели с задачей подготовить почву для включения в армию формировавшиеся

там добровольческие офицерские отряды. Однако впечатления его были безрадостны: власть атамана Филимонова еще слабее, чем Каледина, сам атаман «в окружении демократии» ведет себя, «как врач в психиатрической больнице», и отваживается лишь на то, чтобы в беседах с близкими поругивать «самостийников», верховодящих в краевом правительстве и Кубанской раде⁸.

Одновременно представитель кадетского «Правого центра» Федоров попытался добиться от кубанского правительства материальной помощи Добровольческой армии. Приехав в Екатеринодар, он встретился с главой краевого правительства Л.Л.Бычом. Глава кубанского правительства отказал ему наотрез, заявив: «Помогать Добровольческой армии – значит, готовить вновь поглощение Кубани Россией»⁷.

Кубанские социалисты, доминировавшие в Кубанской раде и правительстве, не сомневались в том, что бывшие царские генералы формируют Добровольческую армию с намерением установить в стране военную диктатуру и реставрировать старый режим. Они же, именуя себя «федералистами-демократами», считали, что «единственный путь к воссозданию разрушенного государства Российского есть путь федерации» и если Россия будет «федеративной республикой свободных народов и земель», то Кубанский край войдет в нее «отдельной составной частью» с широкими суверенными правами. Если же Россия будет совдеповской или в ней будет восстановлен старый режим, Кубань должна остаться независимой⁵.

Так что оснований считать Кубань более надежной базой по сравнению

с Доном у командования Добровольческой армии не было. Для генералов стало очевидно: все надежды, которые возлагались на казачий Юго-Восточный союз, пошли прахом.

Полная деморализация немногочисленных донских частей, еще сохранявших верность войсковому атаману, самоубийство Каледина 29 января 1918 г., приближение войск Антонова-Овсеенко к Ростову не оставили Корнилову иного выбора, как увести 3-тысячную Добровольческую армию на Кубань.

Донской походный атаман генерал П.Х.Попов отклонил его предложение идти вместе на Екатеринодар и увел 1,5-тысячный конный донской отряд в Сальские степи. Свой отказ Попов мотивировал тем, что офицеры и казаки отряда не желают покидать родной Дон. Добровольческие генералы расценили это решение как «негосударственное»: дескать, оно было продиктовано лишь нежеланием Попова подчиниться Корнилову.

«Для нас, – писал Деникин, – Дон был только частью русской территории, для них понятие “родины” раздвигалось на составные элементы – один более близкий и осязаемый, другой отдаленный, умозрительный»⁷.

В очередной раз добровольцы и казаки не нашли общего языка. В отказе Попова соединиться с Добровольческой армией и подчиниться Корнилову проявилось оправданное опасение: Корнилов втянет донское казачество в борьбу за «всю русскую территорию», а это принесет Дону неисчислимыя беды, потери и разорение. Казаки не прочь были использовать Добровольческую армию для защиты Дона, но они не желали, что-

бы «старорежимные генералы» Алексеев и Корнилов использовали их самими для «отвоевания» России у большевиков.

Добровольцы и донцы пошли разными дорогами. А спустя две недели под натиском большевистских войск пал Екатеринодар: 28 февраля

1918 г. атаман Филимонов, правительство Быча, члены Кубанской рады и 2,5-тысячный отряд покинули город. Это имело роковые последствия для Добровольческой армии: отсутствие донской конницы обернулось неудачей штурма Екатеринодара и гибелью Корнилова.

Итак, в конце 1917 г. казачий Юго-Восточный союз не стал надежной базой формирования Добровольческой армии, центром сплочения антибольшевистских сил и воссоздания российской государственности.

Главным фактором, перечеркнувшим все расчеты Алексеева, Корнилова и других добровольческих генералов на Дон и Кубань, стали политические настроения казаков-фронтовиков и иногородних крестьян. Под их сильнейшим давлением военно-политическое руководство Дона и Кубани пыталось ценой «отгораживания» от Советской России сохранить казачий военно-политический строй, его традиционные социально-экономические основы и социальный мир в своих областях. Однако это было невозможно без помощи Добровольческой армии, которая ставила перед собой иную цель – использовать Дон и Кубань как базу для освобождения от большевизма всей России.

Колебания и лавирование казачьих правителей еще сильнее обостряли их отношения с добровольческим командованием. Те и другие не сумели преодолеть идеологические разногласия, свою предубежденность друг против друга, взаимные опасения, претензии и обиды.

В такой ситуации создание объединенной казачьей армии Юго-Восточного союза, ее совместные с Добровольческой армией действия против войск Совнаркома обречены были остаться мечтаниями, разговорами и планами на бумаге. Это и предопределило их поражение на начальном этапе Гражданской войны.

Примечания

¹ Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М.В.Алексеев. СПб., 2000. С. 610–611, 621, 622–624, 625–627, 647–648.

² Трубецкой Г.Н. Годы смут и надежд, 1917–1919. Монреаль, 1981. С. 20, 21, 25, 27–28, 37.

³ Поляков И.А. Донские казаки в борьбе с большевиками. Мюнхен, 1962. С. 25, 27, 32, 67, 106, 107.

⁴ Свечин М. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 142–144.

⁵ Скобцов Д.Е. Три года революции и Гражданской войны на Кубани. Париж, 1962. Т. 1. С. 30, 53, 54, 59, 66–67, 60, 168–171, 192–195.

⁶ Шульгин В.В. 1917–1919 // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 5. С. 180.

⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. Т. 2. С. 156, 159, 188, 189, 173, 216, 269, 233–234.

⁸ Филимонов А.П. Кубанцы (1917–1918 гг.) // Белое дело. Берлин, 1927. Кн. II. С. 70, 80–81, 75.

- ⁹ Суворин Б. За Родиной: Героическая эпоха Добровольческой армии 1917–1918 гг. Париж, 1922. С. 17–18.
- ¹⁰ Елисейев Ф.И. С Корниловским конным. М., 2003. С. 156, 164.
- ¹¹ Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. I. С. 280–281.
- ¹² Соколов К.Н. Правление генерала Деникина. София, 1921. С. 8–9.
- ¹³ Богаевский А.П. 1918 год: «Ледяной поход». Нью-Йорк, 1963. С. 39.
- ¹⁴ Хаджиев Х. Великий бояр. Белград, 1929. С. 259.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы **47653** (на полугодие), **36789** (на год)
в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.

ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@ru.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>

Подписано в печать 10.10.2012. Формат 70x100 ¹/₁₆. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 209.